

Юноша быстро развернулся и, побежав, догнал епископа и своего спутника.

Когда они продолжили путь по дорожке, Лайт повернулся к Сяо Юю и объяснил:

— Это нынешний архиепископ Хиль. Он часто спорит с моим отцом.

— А тот парень? — Сяо Юя не особо интересовал архиепископ Иерусалима, но тот юноша вызвал любопытство.

— Хм? — Лайт не сразу понял, но потом сообразил. Он улыбнулся и с ноткой ностальгии произнёс:

— Это Эли. Он помощник епископа Хиля и его ученик. А я учусь у учителя Уильяма, так что мы часто занимаемся вместе.

Сяо Юй приподнял бровь, вспомнив своё первое впечатление об этом юноше. Он засомневался, стоит ли предупреждать Лайта, но как только собрался заговорить, Лайт, взглянув вперёд, оживился и громко крикнул:

— Отец!

Сяо Юй умолк и поспешил за Лайтом к центру двора.

В центре двора стоял полный мужчина средних лет, окруженный слугами. Тот, кого Лайт назвал отцом, нынешний король Иерусалима Амальрик, выглядел недовольным. Лицо его было красным, в глазах ещё плескался гнев — видимо, спор с епископом, который только что покинул двор, не прошёл даром. Услышав голос сына, Амальрик обернулся, увидел сына, быстро идущего к нему, и тут же улыбнулся, протянув руку.

Лайт подошёл, пожал руку и снова почтительно назвал его отцом. Затем он повернулся и подвёл к себе Сяо Юя, который стоял в стороне, представив его:

— Отец, это мой друг Сяо Юй.

Король перевёл взгляд на юношу, кланяющегося ему. Доброта и тепло, с которыми он обращался к Лайту, исчезли. Он всё ещё улыбался, но Сяо Юй явно чувствовал на себе его оценивающий, острый взгляд.

— Ха-ха, Сяо Юй, славный мальчик. Я слышал, что ты уговорил Балдуина выйти из комнаты. Мы с королевой очень удивились, — король улыбнулся и пригласил Сяо Юя сесть, а Лайт автоматически занял место ниже по рангу.

Каменный стол и скамьи во дворе были из мрамора, мастера из Византии украсили края сложным узором из роз и крестов — выглядело это великолепно.

Все сели. Король велел подать десерт и с любопытством обратился к молчаливому юноше:

— Что ты сказал Лайту, чтобы он снова вышел из комнаты? Я прежде из сил выбился, пытаюсь его хоть как-то взбодрить.

Лайт почувствовал угрызения совести. Из-за болезни он отгородился от всех, заставляя отца, учителя Уильяма и Сибиллу переживать. Он сжал руку отца, лежащую рядом, и с виной в голосе произнёс:

— Отец...

Король, казалось, почувствовал вину и беспокойство сына. Он накрыл его ладонь своей, а другой мягко похлопал по руке, полный нежности. Сяо Юй наблюдал за этим сбоку.

Когда они немного пришли в себя, Сяо Юй ответил на вопрос короля:

— Не я сказал ничего такого, что заставило бы принца прозреть. Думаю, принц и сам прекрасно понимал, что должен делать. Я лишь помог ему быстрее осознать свои собственные мысли.

Король слегка удивился, услышав такой ответ. Как отец Лайта, он знал, что у сына есть свой стержень и он видит многое насквозь. Поэтому он никогда не сомневался, что сын сможет пережить удар диагноза «показа», пусть сам он и страдал от этого безмерно.

Но он не ожидал, что этот юноша, которого он считал просто приятелем сына, так ясно это поймёт и скажет с такой уверенностью.

— Сяо...

Лайт тоже с удивлением посмотрел на спокойное лицо Сяо Юя. Он не думал, что Сяо Юй так его оценивает — в сущности, сам он не мог понять, захотел ли он вернуться к жизни по собственному выбору или благодаря помощи Сяо Юя.

— Мало кто из детей видит так же ясно, как ты, — после недолгого молчания произнёс король с восхищением. Он поднял правую руку и начал тереть кольцо на указательном пальце левой руки. Кольцо было искусной работы, серебрилось, а по бокам были выгравированы сложные узоры. Сяо Юй знал: это знак короля Иерусалима.

Сяо Юй слегка склонил голову и почтительно ответил:

— Я просто понимаю характер принца.

— Так или иначе, ты помог Лайту воспрянуть, и за это я тебе благодарен, — король рассмеялся и хлопнул Сяо Юя по плечу, выглядя очень довольным.

Сяо Юй поднял голову и наткнулся на взгляд Лайта — в нём читались благодарность и приязнь. Возможно, из-за того, что Сяо Юй понимал его и относился доброжелательно, Лайт, испытывая благодарность за утешение, почувствовал желание довериться и сблизиться.

Сяо Юй знал, в каком тяжёлом положении оказался «Король-прокаженный», вынужденный в спешке занять трон Иерусалима. За недолгое время его правления немногие стали его близкими доверенными лицами. Этот король, обладавший истинным рыцарским духом, почти в одиночку, в краткой жизни, держал на плечах всё бремя королевства. Поэтому у юного Лайта было немного друзей, способных по-настоящему понять его — и теперь Сяо Юй стал первым.

Сяо Юй улыбнулся в ответ, и эта улыбка была мягкой.

Увидев улыбку Сяо Юя, глаза Лайта вспыхнули, а улыбка на его лице стала еще ярче.

В этот момент раздался мягкий, приятный голос:

— Ваше Величество, это тот самый Сяо Юй, который заставил Лайта выйти из комнаты?

Голос был мелодичным, как пение птицы, но из-за непривычки к произношению имени Сяо Юя звучал немного странно, что придавало ему своеобразное очарование.

Вместе с голосом в центре двора появилась изящная фигура. Это была прекрасная дама. В отличие от скромной одежды простых женщин на улицах, она была буквально усыпана украшениями всех форм — в виде листьев, веток... Однако это обилие украшений не смотрелось вульгарно, а, наоборот, гармонично дополняло её образ. Взгляд приковывал головной убор с ободком из перламутровых жемчужин нежно-молочного цвета. Под жемчугом на лбу красовался яркий, живой цветок мандрагоры, глубокие глазницы подчёркивал яркий макияж, а губы были очерчены изящной линией. Дама слегка надула губки, и каждое её невзначай сделанное движение источало соблазнительное обаяние.

Амальрик, увидев гостью, поспешил навстречу. Глаза его сияли любовью и обожанием:

— Коннина, что ты здесь делаешь?

Лайт, увидев вошедшую, тоже встал и, подтянув Сяо Юя, поклонился:

— Королева.

Сяо Юй понял, что это королева Мария Комнина из Византии. Разведшись с матерью Лайта и Сибиллы, Агнессой, ради союза с Византией, Амальрик женился на племяннице Мануила, Коннине. В отличие от Агнессы, имевшей дурную славу из-за многочисленных любовников, новая королева быстро снискала благосклонность иерусалимского духовенства и не разочаровала представителей Святого Престола, вскоре родив королю первую дочь — Изабеллу. Судя по всему, король Амальрик был ею очарован.

Несмотря на внешность, способную свести с ума любого мужчину, Коннина скромно играла роль доброй мачехи. К будущему королю Иерусалима, своему пасынку Балдуину, она проявляла большую доброту и заботу — хотя, какова была правда, знал только Бог.

<http://bllate.org/book/16685/1531034>